

Theatre and Music. Rus[skiy] Ved[omosti], 1909, April 17, no. 87, p. 4.

Театр и музыка, Рус. вед. 1909. 17 апреля, № 87. С. 4.

Quoted in Val'kova, S. V. Rachmaninoff: Chronicle of Life and Works, vol. 2, p. 476

While Nikisch was still awaited for the final Philharmonic concerts, signatures were being collected in the Moscow music world for a petition to be presented to the renowned conductor. In this petition, the signatories (and there were many) asked Nikisch to refresh the concert program by including works by Scriabin and Rachmaninoff. Nikisch, as is well known, did not show up; but the symphonies by Scriabin and Rachmaninoff were nevertheless included in the Philharmonic concert program, having been unexpectedly invited to conduct by Rachmaninoff. This invitation rescued the Philharmonic, which had been caught off guard, but it put Rachmaninoff himself in a less than grateful position: he had to replace all the famous conductors who had been "running down the Philharmonic's moustaches but not into the mouths" this season: Muck, Richard Strauss, Nikisch. And, regardless of any comparisons, Rachmaninoff handled the difficult task that unexpectedly fell to him superbly. He conducted Scriabin's First Symphony, which dominated the April 15 concert, superbly, with the external clarity and inner concentration so characteristic of this superb conductor. The symphony's finale, with its choral fugue "Glory to Art," was omitted this time, apparently with the composer's blessing.

And this omission is for the better. I've already mentioned that the Handelian, decorous music of the finale, which takes listeners back two centuries, is completely at odds with the remaining ultra-modern movements of the symphony.

And when the finale was still performed, it was strange to hear the composer extol art in such an ancient language, one he would never otherwise express himself in. In the new edition of the symphony, this oddity disappeared, but a new one emerged: the symphony turned out to be without a finale altogether, the absence of which cannot be compensated for by an allegro not intended for the final role. This final allegro (the fifth movement of the symphony) is in many ways a double of the first allegro (the second movement of the symphony). They share not only the tonality, time signature, and rhythm, but also the underlying mood (impulsive drama), so characteristic of Scriabin, especially the young one. [...]

Richard Strauss's witty "Till Eulenspiegel lustige Streiche" was performed with subtlety and vivacity—a far better self-portrait of the composer than the one he attempted in "A Hero's Life." The concert ended with Wagner's rarely performed and rather watery idyll "Siegfried" and Liszt's well-known symphonic poem "Tasso." Yu. E. [Yu. Engel]

[Translation: Google]

Когда еще ждали Никиша к последним филармоническим концертам, в московском музыкальном мире собирали подписи под заявлением, которое предполагалось представить знаменитому дирижеру. В этом заявлении подписавшиеся (а их была масса) просили Никиша освежить программу концертов внесением в нее сочинений Скрябина и Рахманинова. Никиш, как известно, не приехал; но симфонии Скрябина и Рахманинова все-таки попали в программу филармонических концертов, куда их внес внезапно приглашенный дирижировать Рахманинов. Это приглашение выручило застигнутую врасплох филармонию, но самого Рахманинова поставило в не особенно благодарную позицию: ему пришлось как бы заменить собой всех знаменитостей-

дирижеров, которые в нынешнем сезоне у абонентов филармонии «по усам текли, а в рот не попали»: Мука, Рихарда Штрауса, Никиша.

И, независимо от всяких сравнений, Рахманинов прекрасно справляется с трудной задачей, неожиданно выпавшей на его долю. Первую симфонию Скрябина, стоявшую во главе концерта 15 апреля, он провел пре-красно, с той внешней отчетливостью и внутренней сосредоточенностью, которые так характерны для этого превосходного дирижера. Финал симфонии с хоровой фугой «Слава искусству» был на этот раз выброшен, очевидно, с благословения самого композитора.

И этот пропуск к лучшему. Мне приходилось уже говорить, что генделевски благообразная музыка финала, уводящая слушателей на два века назад, совсем не вяжется с остальными ультрасовременными частями симфонии.

И когда бывало финал еще исполнялся - стран-но было слушать, как композитор славит искусство на таком старинном языке, на каком в других случаях никогда не изъясняется. В новой редакции симфонии эта странность исчезла, но зато получилась новая: симфония оказалась вовсе без финала, отсутствие которого не может быть возмещено не предназначенным для финальной роли *allegro*. Это последнее *allegro* (пятая часть симфонии) является во многом как бы двойником первого *allegro* (2-я часть симфонии). В них сходны не только тональность, тактовый размер, ритмика, но и основное настроение (порывистый драматизм), столь характерное для Скрябина, особенно юного. <...>

Тонко и живо исполнены были остроумные «*Till Eulenspiegel lustige Streiche*» Рихарда Штрауса, — гораздо лучший автопортрет композитора, чем тот, который он пытался нарисовать в своей «Жизни героя». Концерт закончился редко исполняемой и довольно-таки водянистой идиллией «Зигфрид» Вагнера и хорошо известной у нас симфонической поэмой Листа «Тассо».